

МОЛИТВА ГОСУДАРЯ: РОЛЬ КОРОЛЯ В БИТВЕ ПРИ БИРТЕНЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИУТПРАНДА КРЕМОНСКОГО

Статья посвящена проблеме описания средневековых политических ритуалов в нарративных источниках Оттоновской эпохи. Лиутпранд Кремонский, один из выдающихся сочинителей X в., нередко описывал сцены символической репрезентации власти, «сконструированные» им самим и не происходившие в действительности. Его описание одного из эпизодов герцогского восстания 938–939 гг., – битвы при Биртене – являет собой характерный пример этого подхода. Автор живописует выразительную сцену молитвы властителя на поле боя, представляя ее как своеобразный политический ритуал, легитимационный акт, при помощи которого утверждается власть едва утвердившейся на престоле Саксонской династии.

Ключевые слова: репрезентация власти; политические ритуалы; Священное копье; Оттон I; Лиутпранд Кремонский; Видукинд Корвейский.

Изучая средневековые политические ритуалы по их описаниям в нарративных источниках, историк часто имеет дело не с достоверным отображением реальности, а скорее с ситуациями, «сочиненными», смоделированными средневековыми авторами. С помощью описания «выдуманного» ритуала хронист или историограф мог решить множество задач: дать «правильную» интерпретацию неоднозначному событию, представить второстепенный исторический эпизод в качестве ключевого, – словом, так или иначе сместить акценты, «скорректировать» реальность в соответствии со своими политическими воззрениями.

Проблема субъективного искажения реальных событий в произведениях средневековых сочинителей стала предметом одной из ключевых дискуссий, развернувшихся в последние десятилетия среди медиевистов, исследующих политические ритуалы. Французский историк Ф. Бюк в своей вызвавшей широкий резонанс монографии «Опасности ритуала» [1] выразил сомнение в том, что на основе подобных тенденциозных описаний возможно достоверно реконструировать символические сцены, происходившие в действительности.

Многие исследователи [2. С. 149; 3. С. 203] признали справедливым этот тезис, однако попытались предложить своего рода «противоядие», задавшись вопросом: если субъективность средневековых сочинителей мешает изучать ритуалы, запечатленные в их текстах, то почему бы не превратить в объект исследования сами эти «текстовые практики»? Историк имеет возможность рассматривать данные описания не столько как запечатление «подлинных событий», сколько как элемент «литературной реальности», конструируемой сочинителем в соответствии с его воззрениями и задачами (один из примеров подобного «конструирования» ранее был рассмотрен в работе [4]). Благодаря этому возможно изучить, как тот или иной автор в своем произведении представлял образ властителя или интерпретировал политические события, какие составляющие ритуала считал ключевыми.

Одним из наиболее интересных авторов, прибегавших к такого рода «литературному конструированию» символических сцен, был Лиутпранд Кремонский (ок. 920–972 гг.), историограф эпохи Оттона I (912–973 гг., король Восточно-Франкского королевства с 936 г., император Римской империи с 962 г.).

Лиутпранд – талантливый сочинитель, выделявшийся среди своих современников на Латинском Западе незаурядными познаниями в античной литературе и Священном писании, тонко владевший латынью и писавший на греческом (подробнее о стилистических и языковых особенностях сочинений Лиутпранда см.: [5; 6. С. 213–220]). Знатный лангобард, попав в немильность у итальянского монарха и бежав ко двору Оттона, он стремился заслужить благосклонность нового покровителя и в своем сочинении превозносил могущество государя-сакса.

Важной задачей Лиутпранда было показать превосходство Оттона над его многочисленными соперниками в борьбе за власть. Один из приемов, которые использовал для этого историограф, – описание эффектной публичной символической сцены, в которой покровитель Лиутпранда предстал бы могущественным властителем, по божественному соизволению одерживающим верх над противниками. Яркий пример такого рода – сцена молитвы Оттона I во время битвы при Биртене 939 г., выразительно описанная в крупнейшем историческом сочинении Лиутпранда – «Антаподосисе». Битва при Биртене – один из эпизодов герцогского восстания 938–939 гг., которое возглавили герцог Франконии Эберхард, герцог Лотарингии Гизельберт и младший брат Оттона Генрих, заявивший о своих правах на престол.

В ходе столкновения, произошедшего у местечка Биртен на берегу Рейна, армия Оттона одержала верх над войсками восставших, однако сражение не поставило точку в мятеже, – военное противостояние Оттона с Генрихом, Эберхардом и Гизельбертом продолжилось [7. С. 120–126]. Тем не менее ученые нередко оценивают биртенское сражение как «решающую битву» [8. С. 77], окончательно утвердившую власть Оттона. Возможно, именно выразительная символическая сцена, описанная Лиутпрандом, повлияла на историков, считающих этот эпизод столь важным.

Чтобы отчетливее представить особенности авторского подхода Лиутпранда, интересно сравнить описание битвы при Биртене в «Антаподосисе» с версией другого прославленного оттоновского историографа – Видукинда Корвейского, монаха, выходца из саксонской аристократии, который в своем сочинении «Деяния саксов» также посвятил этому сражению обширное отступление.

Канва событий у обоих авторов одна и та же. Небольшая часть войска Оттона, успевшая переправиться через Рейн, столкнулась на другом берегу с вражеской армией, в то время как основные силы и сам король были лишены возможности пересечь реку и оказать им помощь. Тем не менее воинам Оттона удалось победить противников, во много раз превосходивших их по численности.

Отличия подходов историографов проявляются и в ряде деталей, и в том, как объясняются ими причины неожиданной победы.

Так, согласно версии «Антаподосиса», увидев, с каким воодушевлением горстка его воинов на другом берегу бросилась атаковать противника, «король счел, что подобная их решительность явилась не без божественного вдохновения; и поскольку он не мог из-за разделявшей их реки помочь им, присутствуя телесно, то, вспомнив, что народ Божий, сражаясь с амаликитянами, победил благодаря молитвам Моисея, раба Господня, тотчас же сошёл с коня и, проливая слёзы, стал вместе со всем народом молиться перед приносящими победу гвоздями, которыми были прибиты [к кресту] руки Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, и которые теперь вложены в его [Священное] копьё. Насколько сильна, – согласно изречению блаженного Иакова, – оказалась молитва праведного мужа, ясно показал исход дела. Ведь во время молитвы ни один из его людей не был убит, тогда как все враги обратились в бегство; причем некоторые из них не знали, почему они бежали, поскольку не могли видеть преследовавших врагов из-за их малочисленности» [7. С. 117, 118].

Дарованная Богом победа, по «Антаподосису», – результат молитвы короля перед Священным копьем, личной заслуга Оттона, который, будучи лишен возможности «телесного присутствия» на битве, духовно пребывал вместе со своими воинами. Исход сражения в интерпретации Лиутпранда не оставляет сомнений: произошло чудо, Божественное вмешательство в события. Ни одного убитого среди сторонников Оттона, крупная армия в панике бежит от горстки воинов.

По версии Видукинда, Оттон, лишенный других возможностей помочь своим сторонникам, также оказал им поддержку через молитву, «смирненно простирая руки к Богу» [9. С. 70]. Но основное внимание этот автор уделяет событиям на другом берегу, где разворачивалось сражение.

Его повествование изобилует подробностями, касающимися хода битвы, маневров и военных хитростей. Видукинд упоминает, что два войска были разделены прудом, и это позволило воинам Оттона атаковать противников с флангов. Кроме того, по словам историографа, некоторые из войска короля, «немного владевшие» наречием своих противников, притворялись «своими» и на родном языке врагов призывали их к бегству. Те, по совету мнимых «соратников», бросались в отступление.

Результаты битвы у Видукинда несколько «правдоподобней», чем в «Антаподосисе»: «В этот день многие из наших были ранены, а некоторые и убиты <...>. А враги все или были перебиты, или взяты в плен, или бежали; поклажа и весь скарб врагов был разделен между победителями». Урон, понесенный

противником, безусловно, тяжелее, чем у союзников Оттона, однако и у победителей потери весьма значительны [9. С. 70].

Словом, взгляд Видукинда на битву при Биртене заметно отличается от версии Лиутпранда. Историограф-сакс куда подробнее, чем сочинитель-лангобард, описал военные действия. Он проанализировал ход сражения и даже нашел некоторые «рациональные» объяснения чудесной победы: водная преграда между двумя армиями, облегчившая нападение воинам Оттона, и военная хитрость, которая ввела в заблуждение врагов. Предваряющая сражение молитва короля, безусловно, деталь весьма важная и для Видукинда. Однако она оказывает на ход битвы не столь сильное влияние, как в версии автора «Антаподосиса»; красноречивое тому свидетельство – как по-разному два историографа оценивают боевые потери.

Исследователи, сопоставляющие два эти описания, чаще всего приходят к выводу: Лиутпранд писал прежде всего о «чуде», Видукинд же – о военной хитрости, «*guise de guetge*» [10. С. 122; 11. С. 84]. Однако при этом повествование о сражении у обоих авторов открывается одной и той же сценой: молитвой Оттона на противоположном берегу реки. Чем же отличаются подходы двух историографов к описанию этой сцены, учитывая, что в версии Лиутпранда молитва оказалась куда более «чудодейственной»?

В процитированном пассаже из «Антаподосиса» можно выделить три основных составляющих, из которых складывается, по выражению Джованни Изабеллы, «механизм запуска чуда» [11. С. 81]: молитва короля, соучастие в молитве «всего народа» (“*omnis populus*”) и чудесные свойства реликвии, перед которой молился государь, – Священного копья (а точнее, вложенных в него гвоздей из Креста Господня).

Видукинд, не приводя иных деталей, ограничивается упоминанием молитвенного жеста – простертых рук короля (о простертых руках как «раннем молитвенном жесте», наиболее распространенном по меньшей мере вплоть до XII в.: [12. С. 102]). У Лиутпранда описание сцены обращения короля к Господу содержит больше подробностей: Оттон сошел с коня, а затем молился вместе с народом, проливая слезы перед драгоценной реликвией.

Лиутпранду, перед которым стояла непростая задача восхвалить Оттона за победу в битве, в которой тот не принимал участия, было необходимо подчеркнуть мотив единства короля с народом (этой же цели служит уподобление Оттона ветхозаветному пророку Моисею, чья молитва поддержала израильтян во время сражения с амаликитянами). Кроме того, упоминание о множестве свидетелей символического акта – прием, позволявший Лиутпранду представить весь эпизод именно в качестве ритуала, совершенного публично, в подобающей торжественной обстановке. Причем сочинитель предельно расширяет круг свидетелей: часть войска, не успевшая переправиться через Рейн, олицетворяет для него «весь народ», единодушно присоединяющийся к молитве короля.

Центральным объектом, вокруг которого выстраивается вся сцена, описанная Лиутпрандом, становится Священное копьё, в котором заключены гвозди из Креста Господня. Молитву Оттона перед реликвией,

содержащей гвозди распятия, можно рассматривать как вариант сцены поклонения государя-полководца кресту на поле битвы. Такой ритуал запечатлен, помимо сочинения Лиутпранда, в ряде более ранних и более поздних источников. Истоки этого ритуала можно отыскать еще в позднеантичной традиции – выразительная сцена поклонения государя кресту на поле боя описана, в частности, в сирийском «Романе о Юлиане» (соответствующие фрагменты романа в переводе на русский см.: [13. С. 11, 12]).

Священное копье в восприятии Лиутпранда фактически и являет собой крест; историограф подчеркивает, что свою молитву Оттон совершал «перед приносящими победу гвоздями» [7. С. 117], вложенными в копье. Приравнение гвоздей распятия к кресту вполне закономерно: понимание части как воплощения целого лежит в основе почитания реликвий. Представление же о том, что Животворящий крест с его чудесной спасительной силой воплощают собой и «древо креста», и «железо креста», восходит еще к Амвросию Медиоланскому [14. С. 37, 38].

Хольгер Кляйн анализирует в своей работе пассаж Панегирика Генриху IV Бенцо из Альбы, содержащий пример использования государем на поле боя силы крестного древа [15. С. 295, 296]. Речь идет об эпохе Лиутпранда, более того, о человеке, с которым тому довелось познакомиться лично в ходе своего второго посольства в Константинополь, – византийском императоре Никифоре Фоке. Бенцо рассказывает, что, осаждая захваченную сарацинами Антиохию, Никифор дважды в неделю обходил город с процессией, впереди которой проносили частицу древа креста.

Как и Лиутпранд в повествовании о битве при Биртене, Бенцо прямо указывает на библейский прообраз описываемой им сцены: падение Иерихона, описанное в книге Иисуса Навина. Ветхозаветное и евангельское предания в обоих случаях причудливо переплетены: «сюжет» символического действия подсказан Ветхим заветом, однако центральным сакральным объектом оказывается новозаветная реликвия св. Креста.

Показательно также, что подобная ветхозаветная отсылка у Бенцо восходит именно к византийской традиции, истории Никифора Фоки. Это дополнительно подтверждает, что подход Лиутпранда к «конструированию» биртенского эпизода был родственным византийским описаниям подобных сцен. Однако принципиальнее всего именно типологическое сходство двух символических сцен: Оттон в сочинении Лиутпранда и Никифор в византийском предании, к которому отсылает Бенцо, поклоняются частице св. Креста в надежде на чудесную помощь Господа в нелегком военном предприятии. Налицо очень сходное восприятие этой святыни, что отчасти созвучно заключению Х. Кляйна о «растущем интересе к военному и церемониальному использованию реликвий Страстей Христовых на Западе» [15. С. 296], – интересе, который, по мнению ученого, в эту эпоху происходил именно из подражания византийским образцам.

В самом деле, есть основания говорить о такого рода общем «интересе» византийцев эпохи Лиутпранда и их западноевропейских современников к реликвиям св. Креста. Однако стоит отметить: если в эпи-

зод с осадой Никифором Антиохии речь идет именно о «древе креста», то в Священном копье Оттона были заключены гвозди.

М.А. Бойцов высказывает точку зрения, что некогда Амвросий Медиоланский был вынужден обосновывать идею почитания «железа креста» именно как альтернативу уже сложившейся «иерусалимской традиции», где в качестве объекта поклонения воспринималось Крестное древо [14. С. 15, 16]. Можно предположить, что в эпоху Лиутпранда ситуация была во многом схожей. Обладание «древом креста» оставалось прерогативой византийских императоров. Соответственно, для Людольфингов, также желавших владеть реликвиями Страстей Христовых, «железо креста», как некогда и для Амвросия, представляло собой удобную альтернативу.

Ориентируясь, по существу, на ту же систему представлений о военной и церемониальной ценности реликвий св. Креста, что и византийцы, властители-саксы при этом должны были обзаводиться своими собственными святынями, не уступавшими по силе. А вместе с тем возникала и необходимость доказывать подлинность и «действенность» этих святынь.

В сцене, описанной Лиутпрандом, в центре оказывается новый, «оттоновский» символический объект – Священное копье, одновременно и реликвия, и инсигния династии Людольфингов. Любопытно, что Видукинд нашел для той же святыни более «логичное» применение: во время битвы с венграми при Лехе 955 г. король «поднял щит и Священное копье и первым направил коня на врага, выполняя обязанность и храбрейшего воина, и выдающегося полководца» [9. С. 108]. Копье, пусть и копье драгоценное, священное, оставалось в его представлении прежде всего оружием. Историографу-саксу, по-видимому, не могло прийти в голову «сконструировать» ритуал столь замысловатый, как описанное у Лиутпранда поклонение копью – вместе с реликвиями Страстей Христовых.

Особенности композиции «Антаподосиса» показывают, сколь значимо было для Лиутпранда появление этой реликвии именно в данном эпизоде. Сразу за главой, описывающей битву, следует подробное отступление, где историограф рассказывает, как отец Оттона завладел этой святыней [7. С. 118, 119]. Таким образом, история обретения Священного копья Саксонской династией, в нарушение хронологии повествования, в «Антаподосисе» композиционно связана именно со сценой биртенской молитвы Оттона.

Отсылку к временам Генриха I можно интерпретировать как напоминание о том, что Священное копье – не только святыня и драгоценность, но и инсигния, символ власти государей Саксонской династии, перешедший от отца к сыну. Это дает еще больше оснований воспринимать сцену молитвы короля перед копьем в качестве своеобразного ритуала легитимации власти Оттона.

История обретения Людольфингами Священного копья у двух авторов также различна. По версии «Антаподосиса», Генрих получил реликвию от Рудольфа II Бургундского, тогда как Видукинд упоминает Священное копье в числе инсигний, завещанных Генриху королем Конрадом Франконским и пе-

реданных ему братом короля, герцогом Франконии Эберхардом [9. С. 32, 33; 7. С. 118, 119].

Между тем именно Эберхард, с точки зрения Лиутпранда, являлся основным инициатором мятежа 938–939 гг., побудившим (или даже принудившим) брата Оттона выступить против короля, оспорить его права на престол [7. С. 115, 117]. В конечном же счете в планы Эберхарда, если верить «Антаподосису», и вовсе входило самому присвоить королевскую власть [Там же. С. 116, 117].

Подобные подозрения историографа представляются правдоподобными: учитывая, что претензии Генриха Баварского на королевский статус имели мало оснований, вполне можно было бы ожидать, что Эберхард заявит о собственных правах на трон. Представитель Франконской династии, завещавшей нынешним правителям власть и ее символы, был опасным конкурентом Оттона.

И вот в «Антаподосисе» Священное копье, по версии Видукинда, полученное отцом нынешнего короля из рук Эберхарда-союзника, оказывается оружием, при помощи которого Оттон одерживает победу над Эберхардом-бунтовщиком. А чудо, совершенное его силой, являет красноречивое проявление Божьей воли, высшее подтверждение легитимности власти короля-Людольфинга – и незаконности претензий на власть любых его конкурентов, будь то герцог-бунтовщики, «порфирородный» брат или представитель предыдущей королевской династии.

Таким образом, описанная Лиутпрандом символическая сцена обретает не только военное, но и политическое, легитимационное значение. Интересно, что Лиутпранд избрал в качестве такого ключевого момента

именно битву при Биртене: сражение, которое не поставило точку в истории герцогского мятежа 938–939 гг. и в котором Оттон даже не мог принять непосредственного участия. Парадоксально, но именно эта вынужденно пассивная роль Оттона в Биртенском сражении давала Лиутпранду возможность нарисовать образ благочестивого христианского государя, одерживающего победу не силой оружия, а благодаря помощи Господа.

За несхожими описаниями Лиутпранда и Видукинда угадывается различие их политических позиций. Лиутпранд стремится подчеркнуть статус Оттона как благочестивого властителя, непосредственно подерживаемого и оберегаемого Господом, значит, его безусловное превосходство над конкурентами в борьбе за престол и главенство над представителями высшей знати. Для этого он описывает сцену молитвы Оттона как ритуал – представляет ее в качестве сцены легитимации. Видукинд же, защищавший интересы аристократии и в значительной степени сочувствовавший заговорщикам [16], не пытается изобразить победу в этом сражении как личный триумф короля. Несхожие подходы Лиутпранда и Видукинда обуславливают и главное различие между их описаниями – рациональное объяснение победы в «Деяниях саксов» и ее «чуждость» в «Антаподосисе».

Моделируя ритуал в литературном произведении, сочинитель получает возможность изобразить его уже не как условное, символическое действие, а в качестве акта, оказывающего непосредственное влияние на реальность. Так король, не сумевший в решающий момент оказаться на поле битвы вместе со своим войском, неожиданно оказывается «королем-чудотворцем», государем на пике своего величия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Buc P. The Dangers of Ritual. Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory. Princeton; Oxford, 2001.
2. Spiegel G.M. Philippe Buc. The Dangers of Ritual: Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory. Review // American Historical Review. 2003. Vol. 108, № 1. P. 148, 149.
3. Бойцов М.А. Величие и смирение. М., 2009.
4. Ануфриева А.С. Средневековый историограф как «создатель» политического ритуала: описание сцены завещания королевских инсигний в «Антаподосисе» Лиутпранда Кремонского // Проблемы истории и культуры средневекового общества : тез. докл. XXXII Всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб., 2013. С. 5–8.
5. Koder J., Weber T. Liutprand von Cremona in Konstantinopel : Untersuchungen zum griechischen Sprachschatz und zu realienkundlichen Aussagen in seinen Werken. Wien, 1980.
6. Berschin W. Griechisch-lateinisches Mittelalter. Von Hieronymus zu Nikolaus von Kues. Bern, 1980.
7. Liutprandi Antapodosis // Die Werke Liutprands von Cremona / Hrsg. von J. Becker. Hannover, Leipzig, 1915. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi, [41]). S. 1–158.
8. Oberste J. Heilige und ihre Reliquien in der politischen Kultur der früheren Ottonenzeit // Frühmittelalterliche Studien. 2003. № 37. S. 73–98.
9. Widukindi monachi corbeiensis Rerum Gestarum Saxoniarum libri tres / Hrsg. von P. Hirsch, H.E. Lohmann. Hannover, 1935. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi, [60]).
10. Leyser K. Communications and Power in Medieval Europe. The Carolingian and Ottonian Centuries. London, Rio Grande, 1994.
11. Isabella G. Modelli di regalità nell'età di Ottone I (Tesi di dottorato in Storia Medievale). Bologna, 2007.
12. Кулаева С.Б. Жесты власти – жесты молитвы. Исследование иконографии молитвенной жестикуляции. Казус, 2006. Вып. 8. С. 102–119.
13. Бумажнов Д.Ф. Царь на кресте. Легитимность христианского государя в сирийском «Романе о Юлиане» // Микрокосмос. Научно-богословский и церковно-общественный альманах Миссионерского отдела Курской епархии РПЦ. Курск, 2008. Вып. 3. С. 7–23.
14. Bojcov M.A. Der Heilige Kranz und der Heilige Pferdezaum des Kaisers Konstantin und des Bischofs Ambrosius // Frühmittelalterliche Studien. 2008. № 42. S. 1–69.
15. Klein H.A. Eastern Objects and Western Desires: Relics and Reliquaries between Byzantium and the West // Dumbarton Oaks Papers. 2004. Vol. 58. P. 283–314.
16. Lintzel M. Die politische Haltung Widukinds von Korvey // Lintzel M. Ausgewählte Schriften. Berlin, 1961. Bd. 2. S. 316–346.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 июля 2014 г.

PRAYER OF RULER: THE ROLE OF KING IN THE BATTLE OF BIRTE BY LIUTPRAND OF CREMONA

Tomsk State University Journal, 2014, 389, pp. 128–132. DOI: 10.17223/15617793/389/20

Anufrieva Anastasiya S. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: elanskaya91@mail.ru

Keywords: representation of power; political rituals; Holy Lance; Otto I; Liutprand of Cremona; Widukind of Corvey.

The article is devoted to the problem of description of medieval political rituals in the narrative sources of the Ottonian Age. At the time of establishment of the Ottonian Dynasty, German rulers were in need of new symbols and political rituals for legitimation and representation of their royal and imperial power. Among those who elaborated such a “symbolic language” were Ottonian court historiographers and chroniclers; in some cases in their works they depicted the scenes of symbolic representation of power that were “constructed” by themselves and never occurred in reality. An eminent Ottonian writer Liutprand of Cremona was one of the most inventive authors who depicted such “constructed” symbolic scenes. The description of the Battle of Birten (939) in his work “Antapodosis” gives a representative example of this approach. The Battle of Birten was an episode of the confrontation between Otto I and the rebellious German dukes. In the course of the battle a small part of Otto’s army faced with the overwhelming enemy forces on one of the banks of the Rhine, while the king himself and the main part of his troops had not crossed the river in time. So, Otto from the other bank could not help his warriors otherwise than by prayer. Nevertheless, in spite of unfavorable circumstances, Otto’s army unexpectedly defeated the enemy. Liutprand and another Ottonian writer, Widukind of Corvey, described these events in different ways. If Widukind explained the victory of Otto’s adherents by ruses of war and by characteristics of the locality, Liutprand saw the reason in the symbolic actions of Otto during the combat. Liutprand depicted an impressive symbolic scene: getting off the horse and kneeling, the king was praying before the relic of Holy Lance in presence of “all his people”. According to Liutprand, it is the royal prayer that caused the Divine intervention in the events and the miraculous victory. Particularly significant for the writer in the context of this symbolic scene was the Holy Lance containing the nails from the Holy Cross. In “Antapodosis” that sacred object was represented as an insignia, as a symbol of the Ottonian power and authority and as a center of the whole scene. The symbolic action described by the writer may be regarded as a version of the ritual of the ruler kneeling down before the Holy Cross in the battlefield. The prayer of the king-warrior before the Holy Cross was a ritual, known since late Antiquity and widespread in the Byzantine Empire in the 10th century. Liutprand, apparently, used the Byzantine example in his narrative and transformed it to create a new symbolic context of the Ottonian power representation. In real, the Battle of Birten was not a crucial episode of the Dukes’ rebellion of 938-939, but in Liutprand’s description it was represented as a decisive victory of Otto I. So, the “construction” of a ritual helped the writer to create a peculiar ceremonial context and to emphasize an episode of secondary importance.

REFERENCES

1. Buc P. *The Dangers of Ritual. Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory*. Princeton; Oxford, 2001.
2. Spiegel G.M., Buc P. The Dangers of Ritual: Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory. Review. *American Historical Review*, 2003, vol. 108, no. 1, pp. 148-149. DOI: 10.1086/533048
3. Boytsov M.A. *Velichie i smirenie* [Greatness and humility]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009. 550 p.
4. Anufrieva A.S. [Medieval historiography as the “creator” of political ritual: a description of the scene of the will of the royal insignia in “Antapodosis” by Liutprand of Cremona]. *Problemy istorii i kul'tury srednevekovogo obshchestva : tez. dokl. XXXII Vseros. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchennykh “Kurbatovskie chteniya”* [Problems of history and culture of medieval society: Proc. of XXXII Proc. All-Russian conference of students, graduate students and young scientists “Kurbatovskie readings”]. St. Petersburg, 2013, pp. 5-8. (In Russian).
5. Koder J., Weber T. *Liutprand von Cremona in Konstantinopel : Untersuchungen zum griechischen Sprachschatz und zu realienkundlichen Aussagen in seinen Werken*. Wien, 1980.
6. Berschin W. *Griechisch-lateinisches Mittelalter. Von Hieronymus zu Nikolaus von Kues*. Bern, 1980.
7. *Liutprandi Antapodosis. Die Werke Liutprands von Cremona*. Hrsg. von J. Becker. Hannover, Leipzig, 1915. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi), pp. 1-158.
8. Oberste J. Heilige und ihre Reliquien in der politischen Kultur der früheren Ottonenzeit. *Frühmittelalterliche Studien*, 2003, no. 37, pp. 73-98.
9. *Widukindi monachi corbeiensis Rerum Gestarum Saxoniarum libri tres*. Hrsg. von P. Hirsch, H.E. Lohmann. Hannover, 1935. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi).
10. Leyser K. *Communications and Power in Medieval Europe. The Carolingian and Ottonian Centuries*. London, Rio Grande, 1994.
11. Isabella G. *Modelli di regalità nell'età di Ottone I (Tesi di dottorato in Storia Medievale)*. Bologna, 2007.
12. Kulaeva S.B. Zhesty vlasti – zhesty molitvy. Issledovanie ikonografii molitvennoy zhestikulyatsii [Gestures of power – gestures of prayer. Study of the iconography of prayer gesture]. *Kazus*, 2006, issue. 8, pp. 102-119.
13. Bumazhnov D.F. Tsar’ na kreste. Legitimnost’ khristianskogo gosudarya v siriyskom “Romane o Yuliane” [The king on the cross. The legitimacy of the Christian king in the Syrian “Novel of Julian”]. *Mikrokosmos*, 2008, issue. 3, pp. 7-23.
14. Bojcov M.A. Der Heilige Kranz und der Heilige Pferdezaum des Kaisers Konstantin und des Bischofs Ambrosius. *Frühmittelalterliche Studien*, 2008, no. 42, pp. 1-69.
15. Klein H.A. Eastern Objects and Western Desires: Relics and Reliquaries between Byzantium and the West. *Dumbarton Oaks Papers*, 2004, vol. 58, pp. 283-314.
16. Lintzel M. *Die politische Haltung Widukinds von Korvey*. In: Lintzel M. *Ausgewählte Schriften*. Berlin, 1961, Bd. 2, pp. 316-346.

Received: 7 July 2014